

Научная статья
УДК 7.035(470)
DOI 10.46748/ARTEURAS.2025.04.007

Преподавательская деятельность Брюлловых

Калугина Наталья Александровна

Государственная Третьяковская галерея, Москва, Российская Федерация
calugina.nat@yandex.ru

Аннотация. Творческие семейства, заявленные значимыми и узнаваемыми именами, представляют собой распространенное явление в русской художественной культуре XIX столетия. Однако объединенные одной фамилией мастера не всегда демонстрируют сотрудничество и взаимовлияние в профессиональной деятельности. Ограниченность творческих интересов, разный уровень мастерства, неравнозначные достижения, наконец, недостаток сведений о биографии и заслугах отдельных представителей династии — все эти факторы в большинстве случаев не позволяют развить тему родовой художественной школы и проанализировать роль семейного подряда в формировании личности и наследия художника как творца и учителя. В этом отношении династия Брюлло-Брюлловых представляет собой уникальный феномен творческой преемственности, позволяющий рассуждать не только о созидательном импульсе внутрисемейного характера, но и о его сохранении в художественной педагогике за рамками семейных уз. В статье впервые предпринята попытка всесторонне изучить вклад семьи Брюлловых в развитие художественного образования и улучшение фундаментальных принципов обучения, используя методы источниковедения и историко-культурного анализа. Основной задачей является определение особенностей, масштаба и ключевых направлений педагогической деятельности четырех выдающихся представителей династии Брюлло-Брюлловых, их влияния на русскую художественную школу. Индивидуальный вклад каждого из них в обучение будущих художников рассматривается с учетом эстетического контекста эпохи и трактуется как взаимодополняющий. Результаты, полученные на основе архивных материалов, и проведенный историко-культурный анализ позволяют значительно углубить понимание преемственности и профессионального единства двух поколений российской ветви художников, которые, в свою очередь, передали свое мастерство многочисленным ученикам, успешно реализовавшим себя в искусстве.

Ключевые слова: изобразительное искусство XIX века, художественная школа, династия, Брюллов, Брюлло, Академия художеств, наставничество

Для цитирования: Калугина Н.А. Преподавательская деятельность Брюлловых // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2025. № 4 (39). С. 108–125. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2025.04.007>.
URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1246>.

Original article

Teaching activities of the Brullovs

Natalia A. Kalugina

State Tretyakov Gallery, Moscow, Russian Federation
 calugina.nat@yandex.ru

Abstract. The 19th-century Russian artistic culture was marked by the presence of creative families with significant and recognizable names. However, not all artists with the same last name collaborated or influenced each other in their professional activities. Limited creative interests, varying levels of skill, uneven achievements, and a lack of information about individual members of these dynasties make it challenging to explore the theme of a family-based artistic school and analyse the role of family in shaping an artist's personality and legacy as a creator and teacher. In this context, the Bruleleau-Brullovs dynasty stands out as a unique phenomenon of creative continuity, allowing for a discussion of not only the family's creative impulse but also its impact on art pedagogy beyond familial ties. This article is the first comprehensive examination of the Brullov family's contribution to the development of art education and the improvement of fundamental teaching principles, using source study and historical and cultural analysis. The primary objective is to identify the characteristics, scope, and key areas of the teaching work of four prominent members of the Bruleleau-Brullovs dynasty and their influence on the Russian artistic school. The individual contributions of each to the education of future artists are examined within the aesthetic context of the era and interpreted as mutually complementary. The findings, based on archival materials and historical and cultural analysis, provide a deeper understanding of the continuity and professional unity of two generations of Russian artists, who, in turn, passed on their skills to numerous students who achieved artistic success.

Keywords: 19th-century fine art, artistic school, dynasty, Brullov, Bruleleau, Academy of Arts, tutorship

For citation: Kalugina, N.A. (2025) 'Teaching activities of the Brullovs', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (4), pp. 108–125. doi:10.46748/ARTEURAS.2025.04.007. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1246>. (In Russ.)

Введение

Династия иностранцев Брюлло, навсегда вписанная в историю русской культуры благодаря «Великому Карлу», стала ярким воплощением неразрывного «союза наук и художеств». Однако обласканный публикой живописец своей славой затмил несколько поколений принадлежащих ей мастеров. Уступая ему по масштабу дарования и темпераменту, они, тем не менее, внесли немалый вклад в развитие и сохранение традиций творческого семейства, в том числе и через передачу знаний и опыта.

Недостаток информации особенно ощутим по отношению к старшему поколению художников. И этому есть логичное объяснение: минимальные сведения о биографии и творчестве, плохо

сохранившееся или утраченное наследие, но главное — профессиональная деятельность в разных, конкурирующих между собой видах изобразительного искусства.

Для профессиональных искусствоведов это стало весомым поводом расставить приоритеты внутри семьи и послужило причиной несправедливого отчуждения «первых» из рода Брюлло, которые в большей степени проявили себя как ремесленники. Так, Пауль (Павел Иванович) Брюлло (1760–1833), вошедший в историю искусства как художник-декоратор, в основном известен как резчик по дереву, изготовитель предметов мебели и рам. А его старший сын Фридрих (Фёдор) (1793–1869) даже специалистам известен лишь единичными живописными композициями религиозного характера.

Карл Павлович Брюллов (1799–1852), которому было суждено прожить 53 года, 12 лет своей профессиональной деятельности посвятил преподаванию. Он был назначен на должность профессора 2-й степени осенью 1836 года. В 2026 году исполняется 190 лет, как творчество «Великого» Карла вдохновляет начинающих художников прошлого и настоящего. Одни пользовались бесценными советами при жизни профессора, другие продолжают искать путь к мастерству в процессе копирования художественных произведений «бессмертного наставника», словно следуя за его рукой сквозь столетия.

Эта сторона творческой биографии Карла Брюллова до настоящего времени изучена мало и избирательно. А между тем профессиональная деятельность Брюллова как педагога была во многом новаторской. Особенно если учесть бесценный опыт русского художника, которому одним из первых удалось воочию приобщиться к исканиям старых европейских мастеров и творцов эпохи Возрождения, применяя в своей практике достижения английских и испанских портретистов, французских художников исторического жанра и итальянских живописцев-баталистов.

Годы, проведенные в образовательной поездке за границей (1822–1836), стали временем творческого становления будущего мастера. В этот период созданы его лучшие произведения: «Итальянское утро» (Киль, Кунстхалле, 1823), «Итальянский полдень (Итальянка, снимающая виноград)» (ГРМ, 1827), «Всадница» (ГТГ, 1832). С 1831 по 1833 год К.П. Брюллов работал над картиной «Последний день Помпеи» (ГРМ), которая принесла живописцу всемирную известность.

Слава «первой кисти» России сделала его самым востребованным наставником. Академический класс не вмещал всех желающих. Именно поэтому приходится зачастую говорить о многообразии брюлловских воспитанников, которые различались степенью приближения к мастеру: пользовались его советами на постоянной основе или довольствовались вниманием дежурного профессора, помогали ему при создании произведений или получали счастливую возможность просто показать свои работы великому художнику.

Особая роль среди антагонистов Карла Брюллова принадлежит его старшему брату Александру (1798–1877), который в силу обстоятельств долго оставался в тени. «Другой Брюллов» — именно так зачастую называют уникального архитектора, который внутри династии художников по роду своей деятельности оказался на втором месте после великого живописца, чьи работы покорили публику своей зрелищностью.

Александр Брюллов был всего на год старше Карла, но, как это нередко бывает, превзошел его

по ряду достижений. Организованный и прагматичный по натуре, он значительно преуспел и в личной жизни, и в профессии, что позволяет включить его имя в число наиболее ярких представителей золотого века русского искусства.

Главное, что выделяет А.П. Брюллова на фоне соратников по профессии, — это всеохватность творческого мышления: он автор памятников и мемориалов, живописец, литограф и рисовальщик, коллекционер, педагог-реформатор, теоретик искусства и даже мемуарист. Не зря еще при жизни его называли «вездесущим».

А.П. Брюллов стал архитектором по складу ума и воле отца, который старался избежать соперничества братьев в будущем. Исходным же для Александра Брюллова было именно изобразительное творчество, благодаря которому в его лице раскрылся редкий для того времени феномен «рисующего архитектора», который участливо делился своим опытом с преемниками.

Как рисовальщик и акварелист Александр Павлович обогатил изобразительное поле видовой и жанровой композиции. Но главное, он изобрел особый «миниатюрный» стиль графического портрета, создав большую памятную галерею лиц пушкинской поры. Брюллов также писал картины маслом, наладил в России процесс тиражирования графики, иллюстрировал книги и периодические издания, где публиковались сочинения А.С. Пушкина. Наконец, он оставил нам портрет самого поэта и его будущей жены Н.Н. Гончаровой, всем знакомый со школьной скамьи. И именно брюлловский образ Натали стал для многих эталоном пушкинского идеала красоты.

Александр Брюллов был одним из первых создателей нового комфортабельного жилья и добился больших успехов в проектировании сооружений на основе металлоконструкций. Он экспериментально применял в своих постройках новые материалы, внедрял коммуникационные системы, уделяя повышенное внимание удобству, безопасности, вопросам техники и технологии. Он разработал устройство Пулковской обсерватории с вращающимися башнями, акустическое оформление зала Михайловского театра, санитарные нормы для Александринской больницы. Эти здания тогда отвечали всем требованиям передовой научной мысли и используются по назначению по сей день.

Творческий путь А.П. Брюллова захватил большой отрезок времени, в течение которого сменилось несколько стилевых направлений. Будучи архитектором императорского двора, он смело использовал различные исторические стили, главным образом средневековую готику и романтику. Именно Брюллов раскрыл в многостилье неповторимый шарм, который Н.В. Гоголь связывал с «торжеством красоты и вкуса»¹.

¹ Гоголь Н.В. О средних веках // Гоголь Н.В. Сочинения и письма : в 6 т. СПб.: Издание П.А. Кулиша, 1857. Т. 2. С. 113.

Александр Павлович много путешествовал в поисках образцов для подражания и стал первым русским архитектором, допущенным до изучения археологической зоны древнеримского города Помпеи. Своими проектами он ввел в России моду на помпейский стиль. А оформленная Брюлловым «Помпейская» столовая Зимнего дворца стала одним из самых романтических интерьеров с арабесками в отечественной архитектуре.

Брюлловы часто пересекались на профессиональном поприще и работали на одних заказчиков, каждый в своей области. В рамках семейного подряда проводилась и работа с учениками, которые зачастую были вхожи в дом и потому получали знания в самых разных областях искусства. Нередко они становились помощниками при исполнении заказов.

С целью наиболее полного раскрытия темы была изучена имеющаяся периодика и научная литература. При этом максимально тщательному анализу подверглись материалы, датировка которых колеблется в пределах первой половины XIX века.

Значительным подспорьем в осмыслении основ профессиональной деятельности Карла Брюллова послужили публикации о художнике, главным образом непосредственно касающиеся его педагогической практики. Наиболее полное представление о мастерской «Великого» Карла дают статьи Э.Н. Ацаркиной и Н.М. Молевой [1; 2]. Подробности профессиональной деятельности «первых» представителей династии — Павла Ивановича Брюллова и его сына Фёдора почерпнуты из источников, хранящихся в РГАВМФ (Российском государственном архиве Военно-Морского Флота) и ЦГИА (Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга). Наравне с наставническими начинаниями архитектора А.П. Брюллова они были впервые рассмотрены и опубликованы автором настоящей статьи [3; 4].

В данном исследовании впервые поставлена цель с помощью источниковедческого и историко-культурного методов охарактеризовать совокупный вклад представителей рода Брюлловых в художественную педагогику и совершенствование общих основ образовательной деятельности.

Здесь целенаправленно анализируется характер, объем и обозначаются основные направления педагогической деятельности четырех ярких представителей династии Брюлло-Брюлловых. При этом личный вклад каждого из них в подготовку будущих художников рассматривается в рамках эстетического контекста эпохи и определяется как взаимодополняемый, поскольку пользующиеся их советами ученики работали в едином пространстве, но в разных сферах художественной культуры. В этом заключается научная новизна представленной статьи.

Объем статьи не дает возможности полноценно раскрыть все аспекты наставнического вклада связанных родственными узами художников, профессиональная активность которых способствовала появлению отдельного направления в живописи, декоративно-прикладном искусстве и архитектуре эпохи романтизма. Тем не менее выявленные по архивным источникам данные и проведенный историко-культурный анализ позволяют существенно расширить представления о преемничестве и профессиональном единстве двух поколений российской ветви художников, в свою очередь передавших мастерство многочисленным последователям, практикующим и проявившим себя в профессии.

Первые представители рода

Семейство Брюлло-Брюлловых, которое известно в России со второй половины XVIII века, объединило людей разных творческих специальностей. Пять поколений потомственного иностранного рода на разных этапах истории были представлены несколькими живописцами, скульпторами, архитекторами и искусствоведами. Первыми представителями рода были французы-гугеноты, которые в конце XVII столетия вынужденно покинули историческую родину, спасаясь от религиозных преследований. В поисках убежища они сначала оказались в Голландии, а затем в Нижней Саксонии, в Люнебурге. Там они онемечились и изменили написание своей французской фамилии *Bruleleau* на немецкое — *Brullo*. В семье Брюлло все были художниками. Поэтому в 1773 году в поиске работы они оказались в Санкт-Петербурге, где с момента основания города остро ощущалась нехватка художественных кадров.

Первым ярким представителем обрусевшей ветви мастеров, возложившим на себя миссию наставника, был **Павел Иванович Брюлло** — отец пятерых сыновей, трое из которых, Фёдор, Александр и Карл, старшие в семье мальчики, получили известность как художники и педагоги.

Практикуя в сфере декоративного искусства, П.И. Брюлло совмещал различные художественные профессии и работал как мастер широкого профиля. Однако, несмотря на высокий уровень мастерства, он оставался ремесленником, который не решал творческие задачи и ориентировался на чертежи, выполненные другими рисовальщиками. Например, сохранились сведения о том, что в 1797 году по обращению полковника Р.Н. Долгорукова на Брюлло была возложена работа по росписи почти трех тысяч полковых знамен.

В октябре 1793 года Павел Иванович был определен на службу в Императорскую Академию художеств, где занимал должность учителя орнаментальной скульптуры и, согласно контракту,

обучал четырех учеников [5, с. 67–68]. В сентябре 1794 года Брюлло был произведен в «назначенные», а 21 октября того же года был удостоен звания академика за столярную, токарную и золотарную работы. По заказам государственных учреждений и частных лиц мастер изготавливал мебель и рамы для картин.

По всей вероятности, у отца Карл и Александр научились работать с деревом как материалом для творчества. Так, при восстановлении Зимнего дворца после пожара 1837 года Александр Павлович продемонстрировал комплексный подход при оформлении залов и одновременно с архитектурной частью создал проекты предметов декоративно-прикладного искусства, соответствовавших стилистике интерьера. А в семейном архиве сохранились упоминания о диване, который был изготовлен по эскизам Карла. Его подвижная конструкция состояла из четырех частей и, очевидно, намного опережала свое время [6, с. 256].

Профессиональные интересы П.И. Брюлло не ограничивались художественной резьбой. Он также был известен как живописец по стеклу, который подражал искусству Средних веков². Очевидно, именно Павел Иванович привил интерес к «готическому окну» своим сыновьям, которые, повзрослев, пытались сделать свою карьеру на производстве витража [7; 8]. Он обучал сыновей рисунку и работе с акварелью, привлекал их к иллюстрированию печатных изданий. Среди совместных трудов двух поколений Брюлло можно упомянуть альбом «Краткое сведение о вновь построенном при Императорской Академии художеств здании для помещения бани, прачечной и зоографического класса в пользу его питомцев» 1820 года выпуска [9]. На альбоме, состоящем из семи листов, сохранилась надпись: «Чертили и рисовали А. и К. Брюлло и грав. Фёдоров; оконч. М. Иванов».

С 1805 года, после ухода из Академии художеств, профессиональная деятельность Павла Ивановича была тесно связана с Кронштадтом. В 1816 году П.И. Брюлло был официально оформлен на должность мастера в экспедицию при правлении Кронштадтского порта, а 20 января 1822 года причислен к кораблестроительной части Санкт-Петербургского Адмиралтейства, которое после пожара 1783 года также было переведено в Кронштадт.

8 июля 1819 года, узнав о вакантной должности, Павел Иванович подал прошение о назначении его преподавателем резного и золотарного дела к стажерам команды канала Петра I. И 16 сентября 1819 года он был определен на должность мастера сроком на пять лет и жалованием в 500 рублей в год [3].

В период с 1819 по 1824 год в команде П.И. Брюлло числилось шесть учеников: Пётр Панов, Михаил Клементьев, Пётр Ерпылев, Гаврила Потапов, Степан Иванов, Егор Петров. Трех из них он обучал резному, золотарному и лакировальному делу, а трех — живописному мастерству и «расписыванию комнат». В 1822–1823 годах Брюлло вместе с учениками выполнил роспись модели города Кронштадта, которая, по архивным описаниям, полностью соответствует экспонату, хранящемуся в наши дни в фондах Военно-морского музея имени императора Петра Великого в Санкт-Петербурге [3, с. 10].

Ученики пребывали под постоянным надзором и отеческой опекой педагога — П.И. Брюлло отвечал за качество их содержания и следил за дисциплиной. Все полномочия Павла Ивановича были подробно прописаны в так называемом «Наставлении», которое он получил при назначении на должность. Каждые полгода Брюлло должен был сообщать в экспедицию порта об их успеваемости и предоставлять в качестве доказательства ученические работы.

Как и в любом деле, на службе Павла Ивановича были сложности. Однако трудности, с которыми ему зачастую приходилось сталкиваться, могли не только негативно сказаться на его профессиональной репутации, но и навлечь проблемы с законом. Не успев приступить к обучению, 28 июня 1821 года от воспаления в голове скоропостижно скончался Павел Суворов, который по этой причине в документах не числится среди учеников П.И. Брюлло. Ровно через год «отличился» Степан Иванов: 28 июня 1822 года он тайно проник в комнату товарищей, украл личные вещи Панова и Потапова и самовольно покинул Кронштадт.

С 1723 года, когда в восточной части острова Котлин была заложена крепость, Кронштадт стал главной базой Балтийского морского флота. Именно здесь шла активная подготовка кадрового состава, разгружались торговые суда, базировались и ремонтировались корабли, при отделке которых также проявились наставнические качества и организаторские способности П.И. Брюлло. В 1821 году П.И. Брюлло представил в Адмиралтейство «Мнение ... об особенном устройении и золочении орнаментов». В этом предложении он описывал старые и предлагал новые методы золочения и крепления рельефов, которое стало своеобразным учебным пособием для следующего поколения резчиков [10, с. 27].

Ближе всего Павел Иванович был к своему старшему сыну Фёдору. **Фёдор Павлович Брюлло** стал надеждой и опорой родителя и в семье, и в профессии. Окончив Академию художеств

² Соколов П.П. Воспоминания / ред., вст. статья и прим. Э. Голлербах. Л.: Ком-т популяризации худ. изд. при Гос. акад. истории матер. культуры, 1930. С. 52–53.

1. **Модель**

Исаакиевского собора.

Начало XIX века.

Научно-

исследовательский музей

Российской академии

художеств.

Фото Н.А. Калугиной

2. Модель

Исаакиевского собора.

Начало XIX века.

Научно-исследовательский музей Российской академии художеств.

Фото Н.А. Калугиной

по классу исторической живописи, посвятил свое творчество религиозной теме, работал как иконописец и художник-монументалист.³

Под надзором отца Фёдор Брюлло принял участие в росписи раздвижной деревянной модели Исаакиевского собора, который тогда предполагалось построить в Петербурге по проекту архитектора О. Монферрана [11]. Живописная имитация поверхностей, точно передающих фактуру камня, станет визитной карточкой художника (ил. 1–2).

На одной из моделей Исаакиевского собора, на площадке, где начинается купол, стоят фигуры двенадцати апостолов, вылепленные из красного воска Карлом Брюлловым в годы ученичества. Живописец Герольдии и малярный мастер Адмиралтейства Александр Фомин утверждал, что в продолжение академического курса К.П. Брюллов «часто исполнял работы, за которые брался его отец, а, кроме того, принимал заказы, о которых его отец ничего не знал» [12, с. 29].

До 1817 года, пока Фёдор находился в стенах Академии, он всячески поддерживал обучающихся там же Карла и Александра, которые, по выражению Иордана, «впоследствии превзошли его и талантом, и средствами...» [13, с. 27]. Несмотря на то что фигура Фёдора всегда оставалась в тени, родные и близкие высоко ценили долю его участия в воспитании будущих мастеров. По свидетельству М.И. Железнова, Карл Павлович был многим обязан сводному брату «который в начале его артистического поприща надзирал за ним и был тогда его настоящим учителем» [12, с. 27], даже во время пенсионерской поездки по Европе.

Параллельно с воспитанием младших членов семьи Фёдор Павлович активно проявлял себя в педагогической деятельности за стенами отчего дома. Работал учителем рисования в домах графа Толстого и фрейлины графини С.В. Строгановой, по рекомендации которой, очевидно, впоследствии стал наставником императрицы Марии Фёдоровны,

³ Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская икона и религиозная живопись : в 2 т. / под ред. О.А. Платонова. М.: Институт русской цивилизации, 2011. Т. 1. С. 175.

**3. Церковь
Святых Петра
и Павла на Невском
проспекте.**

1833–1838.

Арх.: А.П. Брюллов.

Фото Н.А. Калугиной

а затем Елизаветы Алексеевны — супруги императора Александра I.

Показательно, что Фёдор Брюлло, например, безвозмездно преподавал рисунок ученикам Первой гимназии Благородного университетского пансиона. Но по прошествии трех лет был вынужден оставить должность из-за продолжительной болезни.

Александр и Карл Брюлловы

Следующий по старшинству **Александр Брюллов** оказался среди педагогов неожиданно скоро и, очевидно, был вынужден, обучая других, параллельно учиться сам [14].

Возможность для такого рода деятельности представилась А.П. Брюллову в 1830 году, когда по инициативе президента А.Н. Оленина в Академии художеств началась серьезная образовательная реформа. Недавно вернувшийся из пенсионерской поездки художник по личному указу Николая I был определен в число профессоров архитектурного класса. Император, который уверенно ввел искусство в сферу государственной политики, был чрезвычайно озабочен вопросом скорейшего обновления преподавательского состава. Поэтому А.П. Брюллов был утвержден в должности сверх штата при условии исполнения программы на звание профессора 2-й степени и получил официальное назначение после утверждения проекта Кафедрального собора Петра и Павла на Невском проспекте (ил. 3).

В стенах Академии А.П. Брюллов оказался рядом с В.А. Глинкой, А.А. и К.А. Тонами. Вместе с ним они формировали новую архитектурную школу, которая отвечала новым задачам градостроительной политики николаевской эпохи и подразумевала воплощение передовых творческих решений, которые принимал сам император. Совместно с К.А. Тоном А.П. Брюллов выдвинул идею о создании архива гравированных чертежей, отмеченных особой ценностью. Он также ввел в программу обучения воспитанников исполнение проектной документации рабочего характера, значительно повысив качество архитектурного образования и уровень развития строительного дела. Успешные творческие эксперименты Александра Павловича в качестве рисовальщика сказались и на высоком уровне художественного оформления архитектурной графики, в которой наиболее ярко проявили себя ученики Брюллова: А.М. Горностаев, Ф.А. Клагес, Д.И. Гримм и К.А. Бейне [14, с. 446].

Выполняя государственные заказы, Александр Брюллов возлагал ряд своих обязанностей на талантливых подопечных, которых зачастую привлекал к проектам в качестве помощников. Такой путь, который способствовал скорейшему получению знаний на практике, стал ключевым нововведением брюлловской программы [14, с. 407].

Строения Брюллова — это сплав классицизма, на традициях которого он был воспитан, и нового стиля, выражающего идеи романтизма. Как практикующий специалист и всесторонне образованный зодчий, с присущим ему историзмом мышления, в своем творчестве Александр Павлович ориентировался на разные исторические стили. Смелыми архитектурными вариациями Александр Брюллов, которого исследователи называют самым значимым архитектором эклектики, значительно разнообразил строгий облик Северной столицы и пригородов Петербурга, оформляя постройки главным образом в духе Средневековья, которое долгое время ассоциировалось с мрачным и непроизводительным периодом в мировой истории искусства.

С одной стороны, в его творчестве наглядно проявилось стремление к возрождению прошлого, которое питало воображение и привлекало романтиков своей неизведанностью, а с другой — были претворены новаторские достижения нарождавшейся индустриальной эпохи. Архитектор Брюллов учитывал эстетические и утилитарные аспекты зодчества, руководствовался модными тенденциями, а также применял в своих разработках технические новинки, повышавшие функциональность будущих строений. Начинания наставника продолжили его ученики. Они развивали в своем творчестве помпейский и мавританский стили, использовали средневековые мотивы романоготической архитектуры, которые служили внешне привлекательной декоративной оболочкой современной на тот момент слаженной строительной конструкции, отвечающей последним достижениям науки и техники.

Значительных успехов в распространении помпейского художественного стиля добились ученики А.П. Брюллова. Его прямым последователем стал архитектор А.М. Горностаев, который в 1838 году за проект реставрации храма Юпитера в Помпеях был удостоен звания академика.

В 1845 году в Помпеях также работал ученик Александра Брюллова, архитектор И.А. Монигетти. И хотя в зрелом творчестве зодчий обращался по преимуществу к восточным мотивам, он не упустил возможности отдать дань Помпеям. Одним из самых известных проектов Монигетти стала переделка интерьеров петербургского дома князя Н.Б. Юсупова на Мойке, 94. В особняке он обустроил проходной помпейский коридор (1858–1860) [15], который вел в комнаты княжны и был нарядно декорирован античными арабесками [16] (ил. 4–6).

Обращался к помпейским мотивам и еще один воспитанник А.П. Брюллова — Г.А. Боссе. В помпейском вкусе он оформил ряд помещений, спроектированных в 1840-х годах, в том числе особняк

**4. Помпейский коридор.
Юсуповский дворец.**

Арх.: И.А. Монигетти.

1858–1860.

Санкт-Петербург.

Фото Н.А. Калугиной

5. Белая вилла.

Имение Н.А. Ярошенко.

Кисловодск.

Фото Н.А. Калугиной

6. **Белая вилла.**
Имение Н.А. Ярошенко.

Кисловодск.
Фото Н.А. Калугиной

7. **Автопортрет**
А.П. Брюллова.

Ксилография
И.И. Хелмицкого
по рисунку
А.П. Брюллова.
1900.
Архив Брюлловых.
СПб., 1900

штаб-ротмистра И.В. Пашкова на Литейном проспекте, 29 в Санкт-Петербурге и дом С. Северса на 10-й линии Васильевского острова, 19. Большой зал последнего имеет кессонированный плафон и фриз с лепным растительным орнаментом, живописными медальонами и картушами с маскаронами, листьями аканта, раковинами и пальметтами в рамках [17, с. 51].

Пожалуй, самым преданным единомышленником архитектора Брюллова был его сын Павел [18]. Он проявил себя как разносторонне развитый, высоко эрудированный человек, в котором одновременно уживались творец и ученый, философ-теоретик и переводчик, добрый друг и ревностный государственный служащий. И всё же фамилия обязала Павла профессионально заняться искусством. Поэтому с 1861 по 1864 год в качестве вольноприходящего он посещал Академию художеств и как своекоштный ученик числился в классе архитектурного

отделения, где преподавали маститые архитекторы: К.А. Тон, А.И. Штакеншнейдер, А.И. Резанов, Д.И. Гримм и сам А.П. Брюллов. В 1864 году получил большую серебряную медаль за проект театра для губернского города. Тогда же П.А. Брюллов вышел из Академии со званием классного художника 3-й степени по архитектуре «с правом производить постройки».

С 1874 года Павел Александрович Брюллов стал активным членом Товарищества передвижных художественных выставок и всецело погрузился в решение организационных вопросов. Почти все передвижники, за исключением И.Е. Репина, были его близкими друзьями. Особенно тесно он общался с художником Николаем Ярошенко. Был частым гостем в его доме в Кисловодске, который, очевидно, помогал проектировать. Так называемая Белая вилла Ярошенко в Кисловодске, окруженная живописным парком, напоминает дом богатого

8. Памятник на могиле

К.П. Брюллова.

После 1852 г.

Monte Testaccio, Рим.

Проект А.П. Брюллова;
скульптор и архитектор:

М.А. Щурупов.

Фото Н.А. Калугиной

помпейнца. Необычно зрелищно выглядит открытая галерея-терраса, украшенная помпейскими росписями, которые, по преданию, были созданы гостившими в усадьбе друзьями художника.

Выпускник архитектурного класса Академии художеств Павел Александрович Брюллов всегда прислушивался к советам отца. И когда тот предложил ему заняться исследованием, начал собирать сведения и осваивать смежные с проектированием науки. Однако заботы одинокого родителя, трижды вдовца, а также скрупулезность и тщательность, которую он, подобно отцу, проявлял в работе, также не позволили Брюллову-младшему довести задуманное дело до логического завершения.

Достойным продолжателем семейной миссии служения искусству и образованию стал Николай Фёдорович Брюллов (1826–1885) — выдающийся архитектор и рисовальщик, сын Ф.П. Брюлло. С 1837 по 1842 год он получил общее начальное образование в Ларинской гимназии в Санкт-Петербурге [19, с. 30]. В 1846–1850 годах учился на архитектурном отделении под руководством дяди [20]. Именно он — племянник, а не старший сын Павел — стал преемником А.П. Брюллова

в профессии. По следам наставника Николай Фёдорович внес свою лепту в популяризацию восточного стиля в архитектуре, работая на тех же строительных площадках. Он же подвел итог теоретическим размышлениям дяди, написав книгу «Ордера архитектуры» [14, с. 484].

Помимо непрерывной строительной деятельности, Н.Ф. Брюллов занимался изобразительным искусством и оставил значительное графическое наследие, в котором, кроме проектных чертежей, есть много художественных рисунков. Он также активно вел научно-исследовательскую и просветительскую работу, публикуя пособия и статьи в журнале «Записки Императорского Русского технического Общества».

Александр Павлович и Николай Фёдорович Брюлловы принимали участие в издании архитектурного журнала «Зодчий», где публиковались, в том числе, статьи по вопросам технического образования. Они часто пересекались на рисовальных вечерах, так называемых Академических пятницах, учрежденных для художественных занятий, творческого общения и благотворительности (ил. 7). Взносы участников этих собраний поступали в пользу малоимущих художников [21, с. 279–280].

**9. К.П. Брюллов.
Последний день
Помпеи.**

1833.

В экспозиции
Государственного
Русского музея.

Фото Н.А. Калугиной

10. К.П. Брюллов.
Копия фрески Рафаэля
Санти «Афинская
школа» в папском
дворце в Ватикане.
1823.
Российская академия
художеств.
Фото Н.А. Калугиной

Педагогическая стезя последнего деятельного наставника обрусевшего рода Карла Брюллова — это высшая для всей династии ступень в передаче профессионального опыта. Отчасти это связано с тем, что Карл Брюллов чувствовал склонность к педагогической работе и располагал, очевидно, большими душевными ресурсами, чем ближайшие родственники (ил. 8).

По версии советского искусствоведа и музейного работника Н.Г. Машковцева, Карл Павлович разочаровался в казенной зависимости своей профессии и поэтому бескорыстно тратил время на чужие дела, «отводя душу в обществе учеников» [12, с. 17–18]. Приглянувшихся талантливых молодых людей он освобождал от социальных оков, оказывал моральную поддержку и материальную помощь. Ведь изначально подавляющее число учеников Брюллова были выходцами из крепостной среды и находились в крайне бедственном положении. Кроме Шевченко, Ткаченко, Липина и Горбунова, крепостными были Г. Чернов, В. Демидов, Г. Михайлов и Г. Майсурадзе, талант которых раскрылся только благодаря участию и отеческой поддержке Карла Павловича. Такая демократичность и свобода в обращении с подопечными

располагали и вызывали доверие воспитанников к своему учителю [1].

Брюллов был бессемейным человеком. Он постоянно проживал в стенах Академии художеств, что, очевидно, сблизило его с молодыми людьми, которым, в отличие от прочих посетителей, было позволено свободно приходить в профессорскую квартиру в любое время [22, с. 67]. Именно в ней сложилась своя камерная школа, и маэстро противопоставлял ее той «новой» Академии, которая после преобразований Николая I в силу разных обстоятельств сделалась «заведением почти бесполезным» [23].

Брюлловская педагогика, смыслы которой, несмотря на ряд публикаций, изучены не до конца, обладала необычайной гибкостью [2]. Карл Павлович давал своим ученикам только общие установки, не назначал в процессе обучения традиционные задания, у него не было одинакового подхода к своим подопечным. Но он давал самое главное, а именно возможность следить за техникой собственной работы. А определенная доля духовного сближения с наставником помогала ученикам прочувствовать его творческий настрой и энергию.

Михаил Иванович Железнов «особенно любил в Брюллове то, что он до самозабвения увлекался чужими удачами, обращался в сотрудники других художников, чтобы улучшить их произведения, и никогда не думал о том, что в этих случаях ему приходилось играть второстепенную роль, что его сотрудничество оставалось тайною для всех и почти никогда не доставляло благодарности» [24].

Брюллов обходил годовые выставки, где появлялись картины отечественных и европейских художников, не оставляя без внимания ни одно произведение, и никогда не упускал возможности отметить, что написано хорошо и правдиво. Маэстро признавался ученикам, что непрерывно учился и сам, глядя на чужие картины⁴. Это позволяло ему идти в ногу со временем и чутко реагировать на меняющиеся вкусы в сфере искусства, направляя учеников, творческое сознание которых было почти полностью в его власти.

По выражению Н.А. Рамазанова, будучи профессором, К.П. Брюллов «положил конец всем умничаньям и неуместным идеализациям» [25, с. 336], поддерживая реалистические стремления молодых живописцев. Он стремился отойти от строгих академических канонов и всячески культивировал индивидуальность своих подопечных. В отличие от традиционного подхода, требовавшего точного копирования классических образцов, он рекомендовал им приобщаться к живой действительности, уделял пристальное внимание природе, развитию композиционного мышления и эмоциональной выразительности образов. Это демонстрировало не просто новый виток в принципах обучения, а реформировало саму систему воспитания будущего художника.

Он призывал учеников к тому, что нужно работать так, чтобы в живописи не было видно красок. И в этом парадоксальном, на первый взгляд, наставлении просматривается глубокий и вдумчивый подход мастера к конструированию художественной формы.

К.П. Брюллов утвердил самооценку рисунка. На занятиях по рисунку он делал особый акцент на передачу пластики, которая воспитывала аналитическую пристальность и любование деталью. Как педагог он более всего ценил воссоздание изящества и остроты движения, развивающих объемно-пространственное, почти скульптурное ощущение формы, что, в свою очередь, являлось основой художественной графической композиции. Скульптор Рамазанов даже называл его «Прометеем Академии», с приходом которого ожил и обновился натуральный класс [Цит. по: 26, с. 25].

Влияние «огненного», как тогда говорили, Карла Брюллова на русскую художественную

школу не ограничивалось натурным классом. Темпераментный и артистичный мастер буквально «обжигал», заряжал своей энергией всё, к чему прикасался. Постоянная тяга к оригинальности, живости, естественности определяли его неутомимые художественные поиски. Историческая, портретная, ландшафтная, перспективная и даже акварельная живопись переродились в новом качестве и одушевились с появлением Карла Павловича в стенах Академии в качестве наставника. Достоверность и наивозможная документальная точность стали для маэстро не просто критерием художественной правды и этических норм в искусстве, а обязательным компонентом живописи, которую заново открывали его последователи (ил. 9–10).

Маэстро поддерживал воспитанников и в их стремлении к изображению народа, развивал интерес к родной стране, ее истории, но предостерегал от бытописательства. Карл Брюллов одним из первых русских художников собственным примером продемонстрировал характерный для романтизма историзм мышления, который проявился в том числе в интересе к русским типам и к национальной истории. Эти тенденции впоследствии получили развитие в творчестве мастеров, которые пойдут по пути реалистического и демократического направления в отечественном искусстве.

Заключение

В истории русского искусства немало примеров непрерывной профессиональной преемственности среди представителей творческих династий. В этом отношении особое место занимает обрусевшее семейство Брюлло-Брюлловых, в котором почти полтора века рождались и плодотворно творили талантливые художники, преданные своему делу и верные культурным ориентирам страны, ставшей для них второй родиной.

Подводя итог небольшому экскурсу по невероятно обширной теме педагогического мышления и вопросам социального служения представителей рода Брюлловых, стоит сказать, что каждый из них, безусловно, по-своему воспринимал содержательные основы наставничества, демонстрировал разную вовлеченность в процесс передачи знаний и опыта.

Тем не менее богатейшее художественное наследие членов творческого семейства и многочисленные примеры развития и продолжения их исканий являются доказательством благодатного влияния, отмеченного в русском искусстве как отдельное явление, ставшее своеобразной границей между периодом до и после Брюлловых.

⁴ Меликов М. Заметки и воспоминания художника-живописца // Русская старина. 1896, июнь. С. 654.

Список источников

1. Ацаркина Э.Н. Брюллов — профессор // Ацаркина Э.Н. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. 1799–1852. М.: Искусство, 1963. С. 289–299.
2. Молева Н.М. Карл Павлович Брюллов // Молева Н.М. Выдающиеся художники-педагоги. М.: Просвещение, 1991. 416 с.
3. Калугина Н.А. Первые из рода Брюлло: Павел и его сын Фёдор // Художественный вестник. Вып. 10 / гл. ред. Е.А. Пылаев. СПб.: Русский ампи́р, 2023. С. 3–32.
4. Калугина Н.А. Графическое наследие Александра Брюллова. Особенности творческого метода архитектора : автореф. дис. ... канд. искусствоведения [Место защиты: Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова]. М., 2016. 30 с.
5. Вейнер П.П. О бронзе. Петроград: Аквилон, 1923. 78 с.
6. Калугина Н.А. Династия Брюлловых. Люди и судьбы // Третьяковские чтения. 2020 : мат-лы науч. конф. / науч. ред. Т.А. Юдкевич. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2022. С. 252–277.
7. Кузнецов С.О. «Мы можем сделать состояние через готические стекла». Неудача дела Брюлловых // Новый мир искусства. 1998. № 3. С. 20–21.
8. Кузнецов С.О. В ожидании колоссального дела // Русская галерея. 2001. № 1. С. 52–55.
9. Оленин А.Н. Краткое сведение о вновь построенном при Императорской Академии художеств здании для помещения бани, прачечной и зоографического класса в пользу ея питомцев : альбом. СПб.: [б. и.], 1820. 7 л.
10. Матвеева Т.М. Убранство русских кораблей. Л.: Судостроение, 1979. 223 с.
11. Савинова Е.А. Модели Исаакиевского собора из фонда Научно-исследовательского музея РАО // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 183–188.
12. К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / сост. Н.Г. Машковцев. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. 318 с., ил.
13. Академия художеств. История повседневности в воспоминаниях и изображениях современников. XIX – начало XX в. / сост.: Е.Н. Литовченко, Л.С. Полякова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. 319 с., ил.
14. Калугина Н.А. Александр Брюлло. Архитектор и рисовальщик : монография. М.: БуксМАрт, 2021. 512 с., ил.
15. Савинская Л. На рубеже двух миров. Забытый коллекционер Николай Борисович Юсупов Младший // Наше Наследие. 2009. № 91–92. С. 46–59.
16. Калугина Н.А. Наследие Помпей // Мир музея. 2021. № 8. С. 34–37; № 10. С. 28–31.
17. Гаральд Боссе. Архитектурное и графическое наследие. К 200-летию со дня рождения / сост. В.И. Андреева. СПб.: Палаццо, 2012. 223 с., ил.
18. Калугина Н.А. Павел Брюлло. Штрихи к портрету // Третьяковские чтения, 2019 : мат-лы науч. конф. / науч. ред. Т.А. Юдкевич. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2019. С. 112–133.
19. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886 : исторический очерк / сост.: К.М. Блумберг, В.П. Острогорский. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1886. [6], 64, 80, 20 с.
20. Крылова М.В. Николай Брюлло. Новые грани творческой биографии // Третьяковские чтения. 2010–2011 : мат-лы науч. конф. / науч. ред. Л.И. Иовлева. М.: ИНИКО, 2012. С. 88–99.
21. Северюхин Д.Я. Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников от начала VIII века до 1932 года. СПб.: Миръ, 2008. 534 с.
22. Калугина Н.А. Петербургские адреса Карла Брюллова // Карл Павлович Брюлло : науч. конф. по материалам юбилейной выставки / под ред. И.В. Афанасьевой. СПб.: Государственный Русский музей, 2025. С. 59–85.
23. Железнов М.И. Заметка о Брюллове // Живописное обозрение. 1898. № 33. С. 662.
24. Железнов М.И. Заметка о К.П. Брюллове (Из воспоминаний М.И. Железнова) // Живописное обозрение. 1898. № 31. Август. С. 623.
25. Рамазанов Н.А. Брюлло Карл Павлович // Рамазанов Н.А. Материалы для истории искусств в России: статьи и воспоминания. СПб.: БАН, 2014. С. 334–356.
26. Бабияк В.В. Русский академический учебный рисунок: XVIII – начало XX века : автореф. дис. ... доктора искусствоведения: 17.00.04 [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. СПб., 2005. 46 с.

References

1. Atsarkina, E.N. (1963) 'Brullov — Professor', in Atsarkina, E.N. *Karl Pavlovich Brullov. Life and works. 1799–1852*. Moscow: Iskusstvo, pp. 289–299. (In Russ.)
2. Moleva, N.M. (1991) 'Karl Pavlovich Brullov', in Moleva, N.M. *Outstanding artists and teachers*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)
3. Kalugina, N.A. (2023) 'The first of the Brullov family: Pavel and his son Fyodor', in Pylaev, E.A. (ed.) *Art Bulletin, issue 10*. Saint Petersburg: Russian Empire, pp. 3–32. (In Russ.)
4. Kalugina, N.A. (2016) *The graphical heritage of Alexander Brullov. Features of the architect's creative method*. Cand. Art Sc. thesis. Abstr. Moscow. (In Russ.)
5. Weiner, P.P. (1923) *On bronze*. Petrograd: Akvilon. (In Russ.)
6. Kalugina, N.A. (2022) 'The Brullov dynasty. People and destinies', in Yudkevich, T.A. (ed.) *Tretyakov Readings. 2020* [Conference proceedings]. Moscow: State Tretyakov Gallery, pp. 252–277. (In Russ.)
7. Kuznetsov, S.O. (1998) 'We can make a fortune through Gothic glass. The failure of the Brullov' undertaking', *Novyy mir iskusstva = New World of Art*, (3), pp. 20–21. (In Russ.)
8. Kuznetsov, S.O. (2001) 'Waiting for a colossal undertaking', *Russian Gallery*, (1), pp. 52–55. (In Russ.)
9. Olenin, A.N. (1820) *Brief account of the newly constructed building at the Imperial Academy of Arts*. Saint Petersburg: s. n. (In Russ.)
10. Matveeva, T.M. (1979) *Decoration of Russian ships*. Leningrad: Sudostroenie. (In Russ.)
11. Savinova, E.A. (2009) 'Models of the Saint Isaac's Cathedral from the Scientific Research Museum of the Russian Academy of Arts', *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (107), pp. 183–188. (In Russ.)
12. Mashkovtsev, N.G. (comp.) (1961) *K.P. Brullov in letters, documents and memoirs of contemporaries*. Moscow: Academy of Arts of the USSR. (In Russ.)
13. Litovchenko, E.N. and Polyakova, L.S. (comps.) (2013) *Academy of Arts. History of everyday life in the memories and images of contemporaries. 19th – early 20th century*. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (In Russ.)
14. Kalugina, N.A. (2021) *Alexander Brullov. The Architect and the draughtsman*. Moscow: BooksMART. (In Russ.)
15. Savinskaya, L. (2009) 'At the turn of two worlds. The forgotten collector Nikolai Borisovich Yusupov Jr.', *Our Heritage*, (91–92), pp. 46–59. (In Russ.)
16. Kalugina, N.A. (2021) 'The Legacy of Pompeii (Part 1)', *World of the Museum*, (8), pp. 34–37; (10), pp. 28–31. (In Russ.)
17. Andreeva, V.I. (comp.) (2012) *Harald Bosse. Architectural and graphic heritage. On the 200th anniversary of his birth*. Saint Petersburg: Palazzo. (In Russ.)
18. Kalugina, N.A. (2019) 'Pavel Brullov. Strokes to the portrait', in Yudkevich, T.A. (ed.) *Tretyakov Readings, 2019* [Conference proceedings]. Moscow: State Tretyakov Gallery, pp. 112–133. (In Russ.)
19. Blumberg, K.M. and Ostrogorsky, V.P. (comps.) (1886) *The fiftieth anniversary of the Saint Petersburg Larin Gymnasium. 1836–1886: historical essay*. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ. (In Russ.)
20. Krylova, M.V. (2012) 'Nikolay Brullov. New aspects of a creative biography', in Iovleva, L.I. (ed.) *Tretyakov Readings. 2010–2011* [Conference proceedings]. Moscow: INIKO, pp. 88–99. (In Russ.)
21. Severyukhin, D.Ya. (2008) *Artistic Petersburg of the times past*. Saint Petersburg: Mir. (In Russ.)
22. Kalugina, N.A. (2025) 'Petersburg addresses of Karl Brullov', in Afanasyeva, I.V. (ed.) *Karl Pavlovich Brullov* [Conference proceedings]. Saint Petersburg: State Russian Museum, pp. 59–85. (In Russ.)
23. Zheleznov, M.I. (1898) 'A note on Brullov', *Zhivopisnoye Obozreniye = Painting Review*, (33), p. 662. (In Russ.)
24. Zheleznov, M.I. (1898) 'A note on K.P. Brullov (from the memoirs of M.I. Zheleznov)', *Zhivopisnoye Obozreniye = Painting Review*, (31), p. 623. (In Russ.)
25. Ramazanov, N.A. (2014) 'Brullov Karl Pavlovich', in Ramazanov, N.A. *Materials for the history of art in Russia. Articles and memoirs*. Saint Petersburg: BAN, pp. 334–356. (In Russ.)
26. Babiyak, V.V. (2005) *Russian academic educational drawing: 18th – early 20th centuries*. Dr. Art Sc. thesis. Abstr. Saint Petersburg. (In Russ.)

Информация об авторе

Калугина Наталья Александровна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник музея, хранитель музейных предметов, Государственная Третьяковская галерея, Москва, Российская Федерация, calugina.nat@yandex.ru.

Information about the author

Natalia Aleksandrovna Kalugina, Cand. Sc. (Art History), Senior Researcher at the Museum, Curator of Museum Objects, State Tretyakov Gallery, Moscow, Russian Federation, calugina.nat@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was received by the editorial board on 01 November 2025; approved after reviewing on 21 November 2025; accepted for publication on 24 November 2025.